

Основные задачи и приоритеты в исследовании православных братств

Круглый стол в рамках конференции «Православные братства в дореволюционной России: приоритеты деятельности»

Участники круглого стола, завершившего работу конференции «Православные братства в дореволюционной России: приоритеты деятельности», обсуждали вопросы типологии, экклезиологических оснований, критериев определения и границ православных братств. Дискуссия развернулась по вопросам о том, какие исторические, географические, социокультурные условия способствовали возникновению братств; почему в одних регионах братства появлялись более активно, чем в других; какую роль сыграли братства в формировании российского общества. Обсуждалась проблема введения в оборот новых источников по истории братств и актуальные направления исследований.

Ключевые слова: православные братства, типология братств, соборность, коммюнитарность, община, эго-документы, «Положение о православных братствах», церковно-государственный проект.

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

Ведущий: Юлия Валентиновна Балакшина, доктор филологических наук, ученый секретарь Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва);

Профессор священник Георгий Кочетков, магистр богословия, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва);

Константин Петрович Обозный, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва);

Василий Георгиевич Трофименко, кандидат исторических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск);

Ирина Александровна Гордеева, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Ю. В. Балакшина. Первоначально организаторы конференции хотели собрать за этим круглым столом исследователей истории православных братств и представителей ныне действующих братств, чтобы обсудить наши взаимные интересы. Но в ходе вчерашнего дня замысел несколько изменился: мы решили дать возможность всем участникам конференции — как докладчикам, так и слушателям — задать возникшие у них вопросы участникам круглого стола.

Н. Д. Игнатович (СФИ, Москва). У меня несколько вопросов. Первый касается типологии братств. И сегодня, и вчера неоднократно звучали слова о том, что всем нам необходим труд, обобщающий историю дореволюционных православных братств. Для начала важно договориться о терминах, определениях и предложить базирующуюся на твердых основаниях типологию.

До революции братства различались в зависимости от форм их деятельности. *Т. А. Носова* предложила делить братства на епархиальные, приходские и братства при духовных учебных заведениях. Представляется, однако, что ни та ни другая типология недостаточны. Например, ни в одну из них не «вписывается» Крестовоздвиженское трудовое братство. Если мы обратимся к высказываниям таких основателей братств, как о. Александр Гумилевский¹, о. Михаил Попов², Николай Николаевич Неплюев, мы увидим, что все они во главу угла ставили не тот или иной вид деятельности, а союз с Христом и служение Ему, а также любовь к братьям и сестрам во Христе и шире — любовь к ближним. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли учитывать в типологии братств именно этот аспект? Хватает ли у нас источников, каких-то других твердых оснований, чтобы делать подобные обобщения? Ведь не все оставили письменные свидетельства, даже если такие устремления присутствовали в жизни тех или иных дореволюционных братств. Кроме того, одно дело — позиция основателей братств, их, так сказать, «идеологов», другое — насколько она разделялась братчиками и воплощалась в жизни. Таким образом,

1. Христорождественское братство — первое церковное братство в Санкт-Петербурге в XIX в. (1861–1866), было основано свящ. Александром Гумилевским. — *Ред.*

2. Воскресенское братство основано свящ. Михаилом Поповым при Воскресенской церкви г. Архангельска в 1900 г.

вопрос о типологии братств, о том, что стоит брать за ее основу, представляется мне одним из самых важных.

Еще три вопроса, очень кратко. Первый — о влиянии правящего архиерея на жизнь братства. В деятельности Семиреченского братства, например, такое влияние явно было: сменился архиерей и изменилась жизнь братства³. Второй вопрос связан с взаимовлияниями: влияли ли братства друг на друга примером своей жизни или еще каким-то образом? И последний вопрос — о тех союзах и советах братств, которые образовывались в первые послереволюционные годы. Для меня сегодня стало открытием, что о. Михаил Попов был репрессирован по делу о «контрреволюционной группировке» «Союз духовенства и мирян»⁴. То есть в Архангельске был такой союз, который образовался из нескольких братств, бывших тогда в городе. Мне кажется, это очень перспективное направление исследований: как приходские братства в послереволюционные годы объединялись и совместно действовали.

Ю. В. Балакшина. Последние три вопроса скорее обозначают направления перспективных исследований, обсуждение на нашем круглом столе предлагаю ограничить вопросом о типологии братств и о том, какие основания могут быть для подобной типологии.

И. В. Ткаченко (Воронеж). Мы видим, что в разных епархиях были очень разные ситуации. Скажем, в Архангельской епархии была более благодатная ситуация, братств было много. Среди них удивительное Воскресенское, созвучное братству Н. Н. Неплюева, с глубоким внутренним содержанием жизни⁵. А в Воронежской епархии (и она, как я понимаю, не единственная в Центральной России) братств практически не было. Нам известны только два

3. В программе конференции было представлено несколько стендовых докладов, один из которых посвящен Семиреченскому братству Туркестанской епархии (1869–1918), организованному в г. Верный группой духовенства и мирян для помощи в воцерковлении переселенцев из Китая. С 1872 г. попечителем Братства стал епископ Туркестанский и Ташкентский (1872–1877) Софония (Сокольский). В 1876 г. епископ перевел на новые места служения старшину братства прот. Михаила Путинцева и священника-миссионера Василия Покровского, что привело к почти полному прекращению активной миссионерской и просветительской

деятельности братства. В дальнейший период существования братства роль правящего архиерея в его деятельности также очевидна. Например, после назначения на кафедру еп. Димитрия (Абашидзе) у членов братства появились новые возможности для просветительской деятельности, проведения регулярных лекций и тематических бесед. (По материалам стендового доклада Л. А. Клейменовой. — *Прим. ред.*)

4. См.: [Феофил (Волик)].

5. См. доклад на конференции В. Г. Трофименко [Трофименко, 79–80].

примера — до революции и после. Поэтому очень трудно говорить с нашими клириками: им кажется, что братства — это не норма церковной жизни, а просто фантазия. В каких-то случаях православные братства возникали как реакция на деятельность раскольников и сект. Но сект и различных религиозных сообществ в Воронежской области было предостаточно, а православных братств — практически не было. Каковы же предпосылки того, чтобы братская, общинная жизнь зарождалась и могла нормально развиваться?

Ю. В. Балакшина. И каким образом это связано с особенностями того или иного региона?

И. В. Ткаченко. Совершенно верно.

К. А. Мозгов (СФИ, Москва). Когда знакомишься с материалами по истории братств, всегда невольно спрашиваешь себя: почему практически каждый раз каждое братство начинает как будто «с нуля»? При том, что существует достаточное количество материалов по истории разных братств, позволяющих проследить какие-то типологические черты. В частности, явно видно, что те, кто стремился устраивать жизнь на действительно братских началах, в конце концов всегда обращались к одному корню. Почему же раз за разом все это забывалось, и каждому приходилось все начинать сначала?

Ю. В. Балакшина. Каждые десять лет в церковной прессе начинается новая волна разговоров о необходимости возрождения братского движения. Почему ни к чему не привели предыдущие?

О. О. Глаголев (Екатеринбург). Если мы не можем дать строгое определение братства, какие-то границы все-таки хотелось бы поставить. Разве мы не можем назвать братством некое объединение, которое само себя так называет? И, наоборот, объединение христиан само себя не называет ни братством, ни союзом, ни общиной, но мы — с наших позиций — определяем его именно как христианское братство? Какие здесь могут быть критерии?

Ю. В. Балакшина. Важный вопрос, с него и начнем. Я прочитаю еще вопросы, поступившие в письменном виде, среди них тоже есть очень важные. Первый: «Православные братства XIX в. —

исключительно церковно-государственный проект или в какой-то мере инициатива снизу — одного человека, группы людей?» Далее: «В чем причины появления братств в истории? Истоки воплощения идеи братства в первые века христианства более или менее понятны, но почему вдруг XV–XVI вв., кто был тогда вдохновителем? Потом всплеск XIX в., когда до призыва патриарха Тихона было еще очень далеко? Или в разные эпохи все рождалось от сходного опыта вдохновения общей жизни?» Итак, почему именно в эти исторические моменты возникает интерес к братствам и возникают сами православные братства? Следующий вопрос: «Насколько явление братств на рубеже XIX–XX вв. связано с возникновением массового общества? Соответствовала ли деятельность братств духу времени, задачам, которые стояли тогда перед обществом?» Еще вопрос про типологию братств, какие тут могут быть варианты. «Есть необходимость введения новых источников по истории братств, какими они могут быть?» «В докладах и других опубликованных материалах прозвучало много имен высшей аристократии, высших чиновников, купцов, заводчиков, которые активно и жертвенно участвовали в жизни братств и даже в их создании. Вопрос о восстановлении чина дьяконисс ставили женщины аристократических фамилий. Почему это происходило? Есть ли в этом какая-то закономерность?» Действительно, почему именно аристократия была особенно озабочена вопросом возрождения братств? Чем обусловлен интерес аристократии к братствам? Наконец: «Как уважаемые участники круглого стола видят перспективу исследования молодежных православных братств? Есть ли в истории прецеденты молодежных братств, помимо РСХД? В чем схожесть ситуации XIX–XX вв. с нашей современной ситуацией с точки зрения братского движения? Что сейчас можно взять из XIX–XX вв. и воплощать? Каковы приоритеты?»

Итак, первый вопрос О. О. Глаголева о том, каковы критерии, по которым мы можем то или иное сообщество людей назвать христианским братством? Что для вас является неизменными атрибутами этого явления?

В. Г. Трофименко. Что касается определения того, что — братство, а что — не братство, у меня есть небольшая заготовка. Существует, как мы видим, ряд толкований и объяснений. Есть чисто церковное объяснение, которое я услышал в проповеди о. Георгия: братство — это сама церковь. Очень созвучное этому я прочитал

сейчас на стенде, посвященном американским братствам свт. Тихона (Беллавина): братство есть храм, а вы есть камни⁶. То есть как церковное здание состоит из камней, так братство состоит из людей, но, естественно, активных людей. Подразумеваю, что раз все люди — камни, значит, они обладают какими-то схожими свойствами. В общем-то все камни равны, и это должно быть отражено и в братском сознании, и в братской жизни, и в братской сущности. Существует также представление о братстве как некоей структуре внутри церкви, когда оно понимается как церковная организация, которая действует внутри церковного организма. Или как общественно-церковное объединение, т. е. сообщество, связывающее церковь с миром, обществом.

Множественность подходов рождает вопрос, что мы можем включить в определение «братство», а от этого зависит и типология. Потому что тогда объединения, которые не отвечают отобранным критериям, мы не сможем назвать братствами. Да, мы понимаем братство как то, что объединяется какими-то формальными вещами вроде устава, во всяком случае, чем-то написанным. Но, кроме этого, еще и внутренними потребностями членов братства, духовным родством. Коль скоро братство — духовное родство, под ним следует понимать церковную общину, объединенную внутри себя определенными братскими чувствами, общностью духовных целей и интересов. Если такое объединение строит свою жизнь под руководством священника, духовного пастыря, его можно считать братством. В то же время я бы не стал называть братствами те организации, которые так названы просто в дань моде или какой-то традиции. Я сторонник такого определения, когда под братством понимается община, в которой братчики равны между собою, равны во Христе. Здесь я бы сделал отсылку к Посланию ап. Павла к Колоссянам: «Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»^{*1}. Вот такое братство во Христе — это и есть, на мой взгляд, братство.

*1 Кол 3:11

6. Стендовый доклад Е. Ю. Литвиненко был посвящен опыту взаимодействия свт. Тихона (Беллавина) с православными братствами Америки в период его епископского служения на Алеутской и Северо-Американской кафедре (1898–1907). В нем цитировались слова епископа, произнесенные им 10 ноября 1902 г. при освящении храма в Нью-Йорке: «Вкусивши ныне, яко благ Господь» (1 Пет 2:3), помогший вам воздвигнуть сей величественный каменный храм, и сами вы, братья, по слову святого апостола Петра, как живые камни,

устройте из себя храм духовен (2:5), созидайте из себя церковную общину, столь же твердую и прочную, как и сей храм ваш. <...> ...Приступайте ко храму сему без опасения, с дерзновением, составьте одну дружную семью, союзом веры и любви свяжемся. <...> Объединяясь около храма, вы и из себя самих созидайте «храм духовен» (1 Пет 2:5), чтобы самих себя, свою жизнь посвящать на служение Богу. Не забывайте, что как храм ваш, так и вся ваша церковная община имеет миссионерское значение: «вы род избранный, люди, взятые в удел»,

И.А. Гордеева. Это глобальный вопрос: сформулировать критерии — где братство, где не братство, в чем выражается «братскость» братства. Я во многом готова согласиться с тем, что Василий Георгиевич говорил о важности духовного родства, равенства. Хотя, с другой стороны, если мы говорим о духовном родстве, возникают ассоциации с семьей, а в семье всегда есть иерархия. Семья — патриархальная структура, и тут возможны различные противоречия.

Ю.В. Балакшина. В своем докладе Вы говорили, что есть два типа общности: один тяготеет к общине, другой к обществу. К какому типу тяготеет братство?

И.А. Гордеева. Разумеется, к общинному. *Gemeinschaft*⁷. Община или общество — определяется тем, как складываются отношения между людьми. Это не просто типы общества, это не типология обществ, структур или их отсутствия. Это типология отношений между людьми, социальных связей. По этому поводу и в философии, и в социологии много написано, это очень сложные вопросы. И тогда возникает еще один вопрос: если мы говорим о православных братствах, то чем они отличаются от неправославных? На этот вопрос я не готова ответить. Разное ли качество эти братские связи носят в разных церквях?

Ю.В. Балакшина. Мы запишем этот вопрос на будущее. Константин Петрович, просим Вас поделиться размышлениями о границах понятия «братство».

К.П. Обозный. В целом можно согласиться с тем, что говорили коллеги. Но главным для типологии может оказаться вопрос об импульсе, от которого рождается братство. Либо это импульс, прозвучавший в сердцах христиан, который объединяет их вокруг

дабы возвещать окружающим вас инославным чудный свет Православия (см. 1 Пет 2:9)». (См.: [Тихон (Беллавин), 69–70]).

7. Согласно немецкому социологу Ф. Теннису, понятия *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* описывают различные типы связей между людьми. *Gemeinschaft* (общность, община) — это «теплые», личностные отношения «лицом к лицу», характерные для малых групп вроде семьи, дружеского кружка, небольшой религиозной общины. *Gesellschaft* (общество) — это ролевые, целерациональные отноше-

ния, свойственные большим социальным группам. С точки зрения Тенниса, в современном мире второй тип отношений вытесняет первый, о чем он сожалел (см.: [Теннис]). Также сложную историю этих понятий можно посмотреть здесь: Ридель М. Общество, общность (*Gesellschaft, Gemeinschaft*) // Словарь основных исторических понятий : Избранные статьи : В 2 т. Т. 2. М. : НЛЮ, 2014. С. 220–321).

Христа, либо это импульс от кесаря, которому зачем-то понадобилось это братство. Вот главный принцип типологии. Это типология скорее духовная, чем академическая, тут можно поспорить, но и вчера, и сегодня мы видели именно это на примере разных братств. Как раз от этого во многом зависит, чем начнет заниматься братство, какой у него будет вектор развития, какие границы, задачи. При этом, хотя внешним образом задачи разных типов братств могут в общем совпадать, плоды их деятельности будут различными. Когда этот импульс идет от живых сердец — будь то прихожане, или учителя церковно-приходских школ или школ грамотности в каких-нибудь инородческих районах Российской империи — то их нацеленность на бескорыстное служение ближнему и Церкви и плоды принесет соответствующие. Если мы, например, сейчас, через 100 лет после тех событий, приедем туда, где действовали братства, то внешним образом ничего не увидим — ничего примечательного, никаких братств — но, если присмотреться внимательно, обязательно обнаружатся какие-то ростки. Семена братской жизни через 50–70 лет неожиданно дают всходы совсем в других регионах, в других культурах, в других общностях. Например, горячо любимый нами о. Павел Адельгейм воспринял опыт братской жизни от петроградского Александро-Невского братства, от московских кружков мечевской традиции и от христианской интеллигенции Киева. Опыт самого о. Павла светит неугасаемым огнем до сих пор.

Ю. В. Балакшина. Теперь вопрос о границах и типологии братств.

Свящ. Георгий Кочетков. Мне кажется, что самое главное сказано. Но я хотел бы поделиться одним воспоминанием. Отец Виталий Боровой когда-то мне говорил, и даже не однажды: «Где братья, там и братство». У него была такая формула — самая простая, самая общая: «Где братья, там и братство». Конечно, братья могут быть как бы сводными, по отношению к разным отцам. Таким отцом может быть царь-батюшка, духовный отец, может быть какой-то лидер, а может быть Христос, Господь Бог. Такой взгляд тоже дает возможности для типологии, близкой к тому, о чем сейчас говорилось. Иными словами, братство может быть понято довольно широко. Другое дело, что одного этого определения, конечно, мало. Братья могут быть, но чтобы возникло братство, нужно иметь те самые границы. А для того, чтобы были границы, нужно определить главные приоритеты,

цели существования данного братства, на какой платформе оно стоит, что для него является краеугольным камнем существования, на какую потребность жизни оно отвечает в первую очередь. Братство может быть достаточно универсальным, широким, но все равно у него всегда есть свои приоритеты. Даже Неплюевское братство называлось трудовым. Действительно, там люди трудились, просто работали. Они получали профессиональное образование, и в соответствии с ним работали. Тем не менее, когда мы говорим об этом братстве, мы, в первую очередь, говорим не о работе, не о социальной и экономической составляющей (хотя, конечно, изучая это братство, эти стороны обойти нельзя). Тут на первое место выходит совсем другое. Когда читаешь Н. Н. Неплюева, сразу понимаешь, что это другое было для него важнее. Тем не менее, без труда, без разумной организации жизни во Христе, Николай Николаевич не мыслил себе существования братства.

Важно также, каким именно образом люди собираются в братство. У Неплюева это происходило через школы. В школы крестьянских детей принимали, начиная с детского возраста, но после их окончания людям позволяли оставаться вместе. В нашем братстве это соби́рание происходит через оглашение. Люди оглашаются, приходят в Церковь, приходят к Господу, соответствующим образом меняется жизнь, и они не хотят расходиться. Они так сроднились во время этого сложного и опасного духовного пути, трудного пути прихода ко Христу, что их потом нельзя разорвать никакими силами. Этого, кстати, не понимают оппоненты нашего братства. Они все время списывают это на гуруизм лидеров, духовного попечителя, еще на что-нибудь, но все время идут ложным путем, потому что не могут себе объяснить, как рождаются между людьми родство и общность, которые в братстве могут быть ближе родства физического. Собственно, как в Церкви, где родство духовное больше родства физического, что невозможно объяснить людям, которые не знают этого опыта. Они просто не поверят, что родные братья, сестры, родители, дети, супруги могут быть менее важны в жизни человека, чем люди, которые таковыми не являются, поскольку думают, что вера — это мировоззрение, или политика, или что-то психологическое, какая-то связь и созависимость. Эти ложные пути осознания братства как раз и дезориентируют людей, смотрящих извне. Любая типология будет исходить из этого, хотим мы того или не хотим.

Ю. В. Балакшина. Спасибо. Переходим ко второй серии вопросов. Они касались того, почему в одних регионах братства возникают более активно, в других — менее, почему в одни исторические эпохи интерес к братствам оказывается более сильным, а в другие он как бы затихает. То есть каков, так сказать, хронотоп интереса к явлению братств, от каких условий времени и пространства он зависит?

С. С. Лукашова (Ин-т славяноведения, Москва). Безусловно, можно рассматривать братства как проявление живого религиозного чувства, причем проявление, что называется, сверхдолжное. Есть нечто, что обязан делать среднестатистический христианин в данную историческую эпоху, что считается обычным, привычным, нормальным. Но бывает, что человек испытывает потребность выразить, проявить и реализовать себя за пределами этой нормы, за пределами обычного. Братство — одна из форм проявления такого чувства. Безусловно, были и другие возможности: кто-то уходил в монастырь, в Западной Европе существовали так называемые «третьи ордена», куда вступали миряне — терциарии, в Византии также были возможны другие формы. Но для Юго-Западной Руси XV–XVI вв. было характерно именно братское движение. Что касается того, что произошло в XIX в., то это было возвращением к определенной исторической форме, как это было и в XVI в. При этом, безусловно, братства XIX в. не находились в прямой связи с тем, что происходило в Киевской митрополии в XV–XVII вв. Братства XIX в. не просто копировали старую форму. Это действительно было возрождением традиции в лучшем смысле, когда возрождается не просто имя, но сама идея. В XV–XVII вв. Киевская митрополия находилась в состоянии духовной стагнации, и братства стали попыткой выйти за пределы косного стагнирующего общества, в том числе церковного. Возможно, в XIX в. речь шла о таком же переломном этапе, когда от мирян требовалось что-то большее, чем могла предложить официальная церковь. И миряне это дали! Почему это актуально сейчас? Я думаю, каждый может решить сам для себя, зачем лично ему нужно участие в братском движении.

Ю. В. Балакшина. Традиционно считается, что потребность в братствах возникает в кризисное время, в эпоху гонений на христиан. Фактически же получается, что они нужны также в эпоху духовной стагнации, когда требуется живое движение веры,

исходящее не от официальной институции, а снизу, от мирян. Тогда как раз и возникают мирянские движения. Мне кажется, это очень важное наблюдение.

К. П. Обозный. Светлана Станиславовна высказала важную мысль о том, что в кризис происходит нечто необычное, нестандартное, харизматичное, если хотите. Действительно, кризис — это не просто ситуация, когда что-то не получается, но когда иссякает вдохновение, кончаются человеческие силы. Если изложить это на языке медицины, то это болезнь, близкая к летальному исходу. Если в такой момент не сработает иммунная система, организм может погибнуть. Но поскольку Господь заботится о своем народе — народе Божьем, что бы с ним ни происходило — то как бы народ ни закоснел, Он посылает духовный импульс, который запускает духовный иммунитет. По-видимому, формы братской, неформальной жизни — это как раз такой импульс для возрождения жизни церкви. Это, как уже было сказано, далеко не всегда связано с гонениями на церковь. Иногда отношения церкви и государства складываются вполне благоприятно, но сами ткани церкви как бы перерождаются. Братское движение — это реакция живых клеток церковного организма на переживаемую смертельную опасность. С точки зрения государственных властей, оно не всегда ко времени, не всегда удобно, его трудно направить в управляемое контролируемое русло. Поэтому братское движение нередко вызывает неприятие у той части общества, которая стоит на защите узко понятых интересов государства, традиции, связанной с аппаратом насилия, с какими-то языческими корнями и тому подобными вещами. Я тут, наверное, ничего нового не скажу, но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что подлинное братское движение, которое может в совершенно разных формах проявлять себя в жизни церкви и жизни общества, это такое богодухновенное действие, которое свершается людьми при участии Божьей благодати и Божьего вдохновения.

Ю. В. Балакшина. Простите за провокационное уточнение: почему тогда Божья благодать в XIX в. больше действовала в Архангельской епархии, а в Воронежской — меньше? (*Смех в зале.*)

К. П. Обозный. На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Мои предки с Северного Кавказа. Это казачий край и кажется удивительным, что там не было никаких братств (во всяком случае

я таких примеров не знаю). Люди умели работать, они были хорошими воинами, но братства не рождались. Я считаю потому, что по-человечески у них все было в порядке. Как моя бабушка говорила: «Мы — не Россия, Россия-то — лапотница, там работать не умеют, у них голод, у них хлеба никогда нет, они к нам за хлебом приходят в Ставропольский, в Краснодарский край. А у нас все в порядке». Этих, я бы сказал, комфортных или, лучше, сытых форм жизни не было, наверное, в Архангельске, на Севере или в Полоцкой епархии, где царили неурожай, голод и жуткая нестабильность во всех смыслах слова (конфессиональная, национальная и политическая). В черноземных районах, таких, как Курск, Воронеж — Северный Кавказ ведь не исключение — жизнь своим благополучием существенно отличалась от окраин. А на окраинах — с их экстремальной жизнью, в том числе, духовной — где не на что надеяться, остается надеяться только на Господа, там как раз появляется подлинное братство, собирающееся вокруг Христа — это та соломинка, которая выручает людей. А когда люди (я не могу сказать «живут для собственного удовольствия», нельзя сказать, что те же терские или донские казаки были особенно эгоистичны) живут стабильно и благополучно, братство им просто не нужно. В общем, думаю, форма внешнего бытия влияла на то, что происходило в духовной и церковной жизни. В некоторых регионах она подталкивала к тому, чтобы собираться и вместе, сообща выстраивать свою духовную жизнь в каких-то формах братской жизни, а в других — нет.

Ю. В. Балакшина. Мы продолжаем обсуждать вопрос о том, какие исторические, географические, социо-культурные условия способствовали возникновению братств, а какие наоборот, может быть, препятствовали их возникновению.

И. А. Гордеева. Пора подходить к ответам на эти вопросы, но окончательные выводы делать рано. Полноценный ответ предполагает широкую публикацию документов, более глубокое изучение всего братского движения. На мой взгляд, понять, когда и как возникает потребность в организации братств, помогут публикация и изучение документов личного происхождения, того, что сейчас называют эго-документами. Это некие самоотчеты, в которых человек артикулирует движения своей души, показывает свою мотивацию. В случае с Н. Н. Неплюевым таких текстов очень много. Он подробно рассказывал, как он пришел к своему решению,

какова была его мотивация. Но хорошо бы иметь больше таких документов, таких случаев, таких биографий, изученных не с внешней стороны, а с помощью эго-документов, причем не только основателей, но и рядовых членов братств. Тогда можно было бы вернее оценить и необходимые условия возникновения братств, и внутреннюю потребность в них.

Я хотела бы вернуться к вопросу о типологии братств... Надо сказать, здесь у нас, к сожалению, уникальная ситуация. Обычно ученые заперты в своей башне из слоновой кости, сами себе задают вопросы и сами на них отвечают. Здесь же научная конференция рождена самой жизнью и ее запросами. Поэтому возникает вопрос не только о том, что, как и какими методами мы изучаем, но и зачем мы что-то классифицируем, ищем какие типологии. Здесь важно не переборщить с теориями, некое гипертеоретизирование может быть лишним. Нужно ясно понимать, зачем нам типологии братств. А они нужны потому, что типология всегда предполагает моделирование, мы должны выявить какие-то модели братств, чтобы составить их типологию. Только тогда, на мой взгляд, можно будет понять не только, в какие эпохи и почему возникают братства, но и также в чем секрет долговечности братств. Ведь одни братства возникают ненадолго, их внутренняя история оказывается конфликтной и противоречивой, другие существуют долго, оставляют значительный след не только в биографиях братчиков, но и вообще в истории, и не только в истории религиозных движений, но и в истории России. Возникает вопрос: есть ли секрет успеха, какая-то модель, которая является залогом здорового и долговечного существования той или иной общины? У меня пока нет конкретного ответа на этот вопрос.

Еще по поводу типологии. Иногда имеет смысл разделять общины (а в данном случае братства) на первичные и вторичные или на спонтанные и намеренные. Это традиционная типология общин-утопий, которую используют фольклористы, социологи, историки... Имеется в виду, что некоторые общественные или религиозные формы возникают спонтанно, непосредственно, исходят из самой жизни, без особой рефлексии (например, община первых христиан или средневековые братства). В других случаях этот процесс сопровождается сознательным конструированием традиции, фактически ее изобретением. Вот почему нам близко то, что происходило в XIX в.: тогда это уже было рождением традиции. Сейчас это тоже конструирование,

изобретение — в опоре на предшествующий исторический опыт. Эта конференция, как и все предшествующие конференции, посвященные общинной жизни, братствам, важна потому, что она рассказывает об историческом опыте, о различных вариантах создания братств и выявляет какие-то кирпичики для конструирования, некий строительный материал для создания новых братств. Мне кажется, не надо бояться, что такое конструирование может восприниматься как искусственный процесс. Все-таки современный человек рефлексивен, и предметом его рефлексии является, в том числе, история христианства — очень сложная, противоречивая, со многими ошибками. От этой сложности истории, от необходимости выбрать что-то из опыта, а что-то отбрасывать, нам уже никуда не уйти. Современный человек не может на основе непосредственного чувства сказать другому: «давай дружить», «давай станем друзьями» или «станем братьями». Точнее, изначально может быть такое чувство, но потом все равно приходится формулировать общие цели, общие идеи, ставить какие-то внешние задачи. Именно в формулировании этой общей идеи, во внешнем целеполагании и приходится опираться на традицию, а это значит — производить ее ревизию, осмысливать ее критически. Если же вернуться к типологии, то братства могут быть как спонтанные, естественные, ненамеренные, так и намеренные, сконструированные.

Ю. В. Балакшина. Очень интересная мысль, которая требует дополнительного обсуждения, ведь, помимо искусственного конструирования традиции, фактически ее реконструкции, есть еще ее органическая передача.

И. А. Гордеева. Еще я хотела привести пример Н. Н. Неплюева. У него в «Уставе Трудового братства» используются слова «братская дума», «блюститель». Для XIX в. это уже совершенно архаический язык, который был сознательно сконструирован, фактически изобретен Николаем Николаевичем. Но в первых вариантах Устава этих старинных терминов было еще больше: «рада», «вече», «посадники» и т. д. То есть он осуществлял ревизию традиции, искал, выбирал и — слава Богу — остановился на весьма умеренном варианте. В первом варианте был перебор с терминами, отсылавшими к традиции самоорганизации в самых разных контекстах, в разные эпохи.

Ю. В. Балакшина. Спасибо большое. Вернемся к вопросу, каковы исторические, территориальные, социокультурные предпосылки для рождения братств. Какие эпохи, какие территории их более активно производили на свет Божий?

В. Г. Трофименко. На мой взгляд, к образованию братств приводит какая-то проблема. Сами по себе они не образуются, как мы могли убедиться, изучая их историю: они не возникают из ниоткуда и не исчезают в никуда. То есть они являются ответом на существование проблемы. Такой проблемой может быть наличие на территории «чужого», с которым надо размежеваться. Как это было, скажем, в Беломорской Карелии, когда там появились финские пропагандисты и начали проповедовать среди карельского населения свой вариант евангелия, свой вариант идеологии. Только благодаря этому были основаны два братства, одно в Олонецкой епархии, другое — в Архангельской. В Финляндии родилось православное братство тоже для борьбы с финской пропагандой. В глубинных районах севера Архангельской губернии возникло противостояние с раскольниками. Здесь тоже необходимо было отделиться, выделиться, чтобы показать: мы — другие, мы — братство, мы едины в своих намерениях, своих целях, своих решениях. Неудивительно, что в Печерском уезде появилось столько приходских братств, ведь именно по Печере, Мезени компактно проживали раскольники.

Ю. В. Балакшина. А почему для борьбы с раскольниками было недостаточно прихода?

В. Г. Трофименко. Потому что в приходе, как утверждали сами священники, большая часть прихожан была заражена, инфицирована расколом. Священники серьезно писали, что раскол — это болезнь, эпидемия, зараза. У людей раскол головного мозга, что мы хотим, как говорится (*смех в зале*). Как сейчас у нас боятся зомби, так тогда боялись раскола, считали, что это психическая, душевная болезнь. Люди не верят в то, во что им приказывают верить, это ненормально, неестественно. Они нелояльны к церкви и, соответственно, с их точки зрения, нелояльны к государству, необходимо с этим каким-то образом бороться, объединять тех, кто еще не инфицирован, пытаться вылечить тех, кто инфицирован и т. п. А для этого, естественно, нужно, чтобы количество здоровых превышало количество больных. При этом выздоровевшие

помогали лечить тех, кто еще не исцелился — от ереси раскола. То есть общая логика такая: существует другой, это проблема — необходимо от него отделиться, по возможности, сделать его таким, как мы.

То же можно сказать относительно благотворительных целей братств. Есть бедность, которая способствует распространению пороков, поэтому с ней, как с болезнью, необходимо бороться. Братства организовывались, чтобы поддержать храм, чтобы все видели, какой красивый наш храм, именно в него нужно ходить, а не, допустим, к старушке-начетчице, которая в своем домике, в моленной, беседует с тобой вместо священника и просвещает на свой лад, или к старичку-раскольнику, который тоже ведет свою пропаганду. Нужно показать, что наш храм — красивый, благоустроенный, мы в нем собираемся и нам в нем хорошо. Это вызывало необходимость рождения братства. В этом плане казаку было легче, у него, как говорится, «только шашка казаку во степи подруга» и т. д. (*смех в зале*). То есть казак изначально более самостоятельный. А в Архангельской губернии возникали проблемы, с ними надо было бороться, потому братства и появлялись.

Ю. В. Балакшина. Мне кажется, Ваше первое утверждение о том, что братство создается по принципу внутренних связей, внутренних потребностей, противоречит тому, что вы сейчас говорите. Получается, что в братство входят исключительно законопослушные граждане Российской империи для того, чтобы решать задачи, которые перед ними поставили официальная церковь и государство.

В. Г. Трофименко. А потом создаются связи между ними (*смех в зале*).

Ю. В. Балакшина. То есть братство — это связи между законопослушными гражданами Российской империи... Отец Георгий, какие исторические, географические и социокультурные условия способствуют появлению братств?

Свящ. Георгий Кочетков. Вообще говоря, вопрос не очень простой и очень реальный. Я с ним столкнулся всего лишь несколько лет назад, когда познакомился с внучкой бывшего секретаря Неплюева Людмилой Сергеевной Федоренко, сейчас она уже очень пожилая дама и живет в Челябинске. Она мне как-то написала,

что ее очень волнует вопрос, почему ее родственники, проживающие на Украине, абсолютно не откликаются на какие-то братские вещи, которые для нее — жительницы Урала — очень и очень важны. Я задумался: вроде бы братства XVI–XVII вв., братства Юго-Западной Руси создавали русские, украинцы и белорусы, а это все-таки разные племена одного народа, так почему же сегодня вдруг возникает такая разница между Россией и Украиной? На какой основе? Может быть, украинцы очень благополучно живут, как те казаки? Нет, не очень, значит, этот аргумент не подходит. Я долго думал и не нашел ничего, кроме одного: господствующая сейчас на Украине националистическая волна вполне может человека захватить. Возникает как бы темный двойник братства, ведь это тоже братство, но построенное по националистическому или шовинистическому принципу. В какой-то степени такое построение горизонтальных общностей нередко имело место в разных местах и в разные эпохи. Это тоже единство и как бы верность некой идее или идеологии, или своему часто мифологизированному народу. Чаще всего это мифы о себе, любимых, и они, конечно, не позволяют выйти на путь общинной или братской жизни. Это разрушает, в глубине повреждает общинность и братскость. Видимо, этих факторов не было в XV–XVII вв. в тех же самых регионах, даже в еще более проблемных (типа Галиции), а сейчас есть. Этот конкретный случай, это конкретное письмо заставило меня долго думать именно на эту тему. Это тяжелые реалии современности, но факторы, рождающие темных двойников, могут встретиться где угодно и когда угодно. Мы знаем в истории многих народов подобные вещи в разные эпохи. Иногда говорят, что это свойственно только очень маленьким народам типа еврейского, но нет, совсем не обязательно. Надо, видимо, говорить еще и о темных двойниках в том же самом социокультурном контексте. Пока у меня есть только такие размышления на эту тему, исходя из опыта и реалий сегодняшнего дня.

Ю. В. Балакшина. Спасибо. Я бы сейчас обобщила несколько вопросов. В самом начале мы говорили о том, почему каждый раз новое братство начинает свою жизнь как будто заново? Об этом размышляла Ирина Александровна, подчеркнувшая, что традицию приходится конструировать, ее как бы нет в живом опыте. Сейчас поступил вопрос: «Является ли русский народ действительно коммюнитарным?» Ведь эта надежда на то, что в самой русской традиции, в самом духовном опыте русского народа

заложено стремление к братской жизни, как будто наталкивается на то, что возникновение братств все время нужно как бы стимулировать. Они сами собой вроде и не рождаются? Насколько традиция братств действительно органично присуща русскому народу в его православном, так сказать, изводе? Ирина Александровна уже начала свои размышления на эту тему, когда отвечала на вопросы по своему докладу, как я поняла, ее позиция в том, что стремления к братской жизни в русском народе не было и его как раз приходилось воспитывать заново.

И. А. Гордеева. Хочу напомнить еще один вопрос, который я не очень понимаю, но, может, он тоже относится к этой группе вопросов: насколько появление братств на рубеже XIX–XX вв. связано с возникновением массового общества? Я, правда, не знаю, что значит «массовое общество», но, может быть, имеется в виду «массовое движение»? Действительно, первые годы XX в. — это начало массовых движений, прежде всего крестьянского, которое мощно развивается с 1902 г., превращаясь в революцию, потом к нему подключаются рабочие. Да, начинается XX в. — век масс. Но предполагается какая-то странная связка: радикальный революционаризм массовых движений и братское движение. Наверное, какое-то сходство здесь можно найти и связать это с вопросом о русском народе, особая у него история или нет. Простые люди в своей массе в определенный момент начали ощущать себя не только жертвами истории, но и ее творцами. Это явление возникает в новое время, иногда это чувство пропадает, но у русского народа оно обострилось именно в начале XX в. во многом неожиданно. Покорные крестьяне начали не просто бунтовать, жечь помещичьи усадьбы, но и выдвигать свои требования, в том числе политические, потом активно участвовать в выборах в Государственную думу, писать приговоры и наказания в Государственную думу и т. д. В этом смысле братское движение, если оно действительно начинается снизу, это тоже движение из истории свободы, свободного самоопределения христиан, из истории ощущения себя людьми, субъектами и творцами истории. Только тут движения идут в разных направлениях, опираются на разные ценности: для кого-то разрушительные, насильственно революционные, а для кого-то — христианские.

Ю. В. Балакшина. Еще у нас был вопрос: братства XIX в. — государственный проект или движение снизу? То есть этот импульс

шел от народа или просто был предложен государственный проект для решения определенных социальных проблем, который всеми силами реализовывался?

И. А. Гордеева. Откуда здесь берется тема государства? Оно вообще, по-моему, ни при чем.

Ю. В. Балакшина. Почему? В 1864 г. было утверждено «Положение о православных братствах»⁸, и с этого момента начинается как бы штамповка православных братств по определенному канону. В общем, из многочисленных братств XIX в. лишь единичные приходские братства создавались по инициативе священников. Андрей Николаевич Понятов, специалист по казанским братствам⁹ считает, что все братства на окраинах Российской империи были созданы государством в целях русификации инородцев и сдерживания там влияния иных конфессий.

К. П. Обозный. Однозначно можно говорить, что государство инициировало создание братств, имея, в частности, в виду русификацию окраин. Но ведь братства возникали не только на западных или восточных окраинах Российской империи, они рождались и в центральных регионах, в столице в том числе. Наряду с типовыми братствами, создававшимися с прагматическими целями, иногда появлялись совершенно неожиданные, я бы сказал, самородки. Ведь не случайно вскоре закон ограничил организацию братств западными окраинами Российской империи¹⁰. По-видимому, какие-то процессы, которые начались в обществе, в Петербурге были встречены с опасением. С другой стороны, нужно помнить, что тогда большинство крестьянского населения только-только получило личную свободу, после 1861 г. прошло всего 3 года. Естественно, крестьяне еще не до конца, так скажем, родились как класс или социальный слой, свободный от векового наследия крепостного права. Когда они — в том числе благодаря деятельности революционных народников

8. Закон Российской империи от 8 мая 1864 г. «Основные правила для учреждения православных братств».

9. Андрей Николаевич Понятов, кандидат исторических наук. Занимается изучением миссионерской деятельности в Казанской губернии (см.: [Понятов]).

10. Закон от 8 мая 1865 г. (см.: Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М. : Крутицкое патриаршее подворье. общество любителей церковной истории, 1999. С. 366.)

и пропаганде марксистов — наконец почувствовали, что имеют свои права, тогда этот «воздух свободы» сыграл с ними злую шутку, о чем и говорила сейчас Ирина Александровна. Начались погромы, бунты — это как раз совпало с началом XX в., отмеченным русско-японской войной, недовольством политикой монарха и т. д., и т. п. Все эти кризисные явления, с одной стороны, привели к тому, что правительство начало опасаться слишком большой свободы, в том числе в церковной жизни, а с другой, как я уже говорил вначале, кризис рождал живые ростки в самой церковной жизни. Я вспоминаю очень интересную публикацию из «Полоцких епархиальных ведомостей» 1906 г. В ней подробно описывалось заседание первого съезда духовенства и мирян Полоцкой епархии, в ходе которого священники неожиданно начали критиковать правящего архиерея, причем говорили вещи, я бы сказал, жесткие, даже революционные. Например, что архиерей не знает жизни, не знает, что происходит в епархии на местах и доверяется своему ближнему кругу, иногда *нашептыванию* (там написано именно это слово — «нашептывание»). И это все *при архиерее*, который тут же сидит и возглавляет собрание. Репортер «Ведомостей» замечает: видите, манифест «О свободе слова» наконец-то достиг и *церковной среды, и священники*, не боясь ничего, могут открыто говорить. Может быть, они где-то перегибали палку, но общество явно реагировало на те законодательные акты, которые правительство издавало, и это одновременно придавало импульс как разрушительным явлениям в жизни общества и церкви, так и всем, кто был действительно готов послужить Богу и ближнему. В частности, это давало новые возможности для тех приходских общин и братств, которые не хотели довольствоваться ролью некоего казенного учреждения, призванного залатывать дыры, с которыми не справлялись ни духовное ведомство, ни само правительство.

Ю. В. Балакшина. Возникает ощущение, что в ту эпоху братства находили резонанс не в народной среде, а в среде образованных людей, которые искали формы для установления общественных связей, и братство воспринималось тогда как одна из форм общей консолидации.

В. Г. Трофименко. Я с Вами отчасти согласен. Все-таки нужно помнить, что вследствие крепостной зависимости и низкого уровня элементарной грамотности большинство крестьян просто

не имело таких возможностей. Были, видимо, какие-то исключения, но в основном инициатива создания братств исходила от образованных слоев российского общества. При этом среди приходского духовенства и архиереев как раз встречались действительно образованные люди не просто по дипломам, а по качеству отношения к жизни, жизни общества и церкви. Но уровень просвещенности народа — именно с точки зрения евангелизации — был очень низким. В принципе, я согласен с Ириной Александровной. По крайней мере, к середине XIX в. никакой общинности, о которой очень часто говорят наши современные патриоты, уже не было. Крестьяне были разобщены. Более того, когда читаешь свидетельства о жизни на селе и об отношении крестьян к священникам, иногда просто больно становится от того, какова была степень неуважения к клирику. Конечно, клирики тоже иногда были не на высоте, но все-таки, если говорить о консолидации народа, то приходится вспоминать о том, что произошло с русским крестьянством в 1905 г., а потом в 1917 г. Как раз из-за того, что крестьянство было разобщено, оно стало такой легкой наживой пропагандистов и всех тех, кто призывал: «грабь награбленное». В этом смысле перспективы были очень скромные, поэтому, когда мы пытаемся понять, почему братства во второй половине XIX в. не захватили всю Россию, ответ достаточно очевиден. Прежде всего потому, что для большинства крестьян они были явлением совершенно чуждым, непонятным, каким-то очередным «умничанием» интеллигенции, которая чего-то от крестьян хочет, скорее всего намерена их опять обмануть.

Ю. В. Балакшина. Отец Георгий, как Вы полагаете, насколько далека от русского народа идея православного братства?

Свящ. Георгий Кочетков. Это тоже очень важный, серьезный вопрос для понимания и нашего прошлого, и настоящего, и будущего. Я очень боюсь здесь одностороннего обсуждения. Невозможно не согласиться со многими замечаниями, которые мы сегодня слышали из уст Ирины Александровны, и все-таки это только полуправда... Иначе было бы совершенно невозможно высказывание, скажем, Бердяева, о том, что русский народ — самый коммюнитарный народ в мире. Все-таки он не в бреду это говорил. Бердяев был гениальным человеком и не был националистом. Можно привести много других примеров, много других свидетельств. То, что соборность, общинность русского человека подвергалась большим

искушениям во второй половине XIX — начале XX в. и дальше, это, конечно, так. Как и то, что не все выходили победителями в этой борьбе с искушениями. Тут опять двух мнений быть не может. То, что коммюнитарные, общинные тенденции и навыки, свойства, качества в русском народе были, но не были на очень большой высоте христианского призвания, это очевидно. А как это могло быть иначе, когда действительно крышку от Евангелия целовали¹¹, а что в нем написано, не знали? Конечно, к этому времени было уже довольно много хороших священников и архиереев, которых трудно обвинить в том, что они не проповедовали евангелие. Их становилось все больше и больше, ибо жажда народа была очень большая. Конечно, нужна была какая-то новая евангелизация, об этом говорит сегодняшний доклад Александра Анатольевича. Этим, в частности, занимались и братства, особенно в городах, где они были просветительскими. Они были просветительскими в очень специальном смысле — они просто проповедовали евангелие. И таких братств было много, хотя и недостаточно, конечно, для всей России. Еще раз повторю: надо очень остерегаться крайностей; найдя те или иные недостатки, нельзя отрицать наличие самого предмета обсуждения.

Далее отвечу на переданный мне вопрос о роли аристократии в возникновении братств. Это действительно была некоторая компенсация имевшихся недостатков. Нужно было больше просвещения, нужно было больше разума, о чем говорил и Н. Н. Неплюев. Но посмотрите, какие лица у людей, создававших братства — у них у всех удивительные лица. Такие лица, такие люди тогда рождались, а сейчас не рождаются. Кто-то замечательно сказал, что Россия тогда станет снова Россией, когда она сможет рождать таких людей, как тогда. Это не просто красивые слова. Люди образованные и жившие в достатке, конечно, имели возможности создавать братства, школы и пропагандировать этот образ жизни. Они были более образованы, у них было больше развито чувство свободы, любви, личностное начало. А может быть, еще у них было больше какого-то бесстрашия для осуществления соборности, которая требует бесстрашия, поскольку у церковной соборности всегда есть очень много не только внутренних, но и внешних врагов... Так что надо видеть картину в целом, ни в коем случае не увлекаясь крайними суждениями.

11. Из воспоминаний В. Ф. Марцинковского (см.: [Марцинковский]).

В. Г. Трофименко. В России импульс всегда подается государством, а народ отвечает на импульс, но обычно с опозданием. Петр Великий, например, жаждал, чтобы у нас рождались собственные Платоны и Невтоны, и народ ответил Ломоносовым, гением, рожденным из народной среды. Но когда этот гений дошел с обозом до Москвы, Петр уже почил в Бозе, и в стране уже была совсем другая установка. Или время Екатерины Великой, эпоха просвещенного абсолютизма. Народ ответил Пушкиным, но, когда он подрос и стал собственно Пушкиным, воцарилась уже аракеевичина. Опять народ не успел за импульсом, посланным от государства. Точно также было и с братствами. Государство подало импульс, народ ответил Н. Н. Неплюевым, о. Михаилом Поповым, но началась революция, и мы опять не успели. Сейчас народ уже ничего не делает, поскольку какой смысл отвечать на импульсы, если мы все равно каждый раз опаздываем? Так же получилось, к сожалению, и с братствами. Они все делали правильно, но им было отпущено слишком мало времени. После 1864 г., когда было утверждено Положение о братствах, подросло поколение, которое понимало, как надо. Мы читаем Н. Н. Неплюева или о. Михаила Попова и понимаем, что они знали, как действовать. Они знали, что такое братство, у них не было сомнений, они хорошо представляли, как братство должно жить и действовать. Но, во-первых, таких двигателей братской жизни было крайне мало, а во-вторых, их время стремительно уходило. У них просто не хватило времени на полное развитие, на то, чтобы сформировать целостную систему.

Ю. В. Балакшина. Может быть, надо было что-то поменять, чтобы государство тоже стало реагировать на импульсы, идущие от народа, от церкви?

К. П. Обозный. Хотел откликнуться на выступление Василия Георгиевича. Во-первых, все-таки не зря родились Ломоносов и Пушкин. Даже в советском государстве университет был имени М. В. Ломоносова, и А. С. Пушкина мы могли читать. Во-вторых, цели государства, которое, если вспомнить классиков, изучавших этот феномен, именовалось не иначе как Левиафан, т. е. чудовище, таковы, что его «хорошо» — совсем не всегда «хорошо» для народа. Особенно бывает нехорошо для христиан, иногда даже совсем плохо. Я с глубоким почтением отношусь к Александру II, но все-таки и в его «Положении о братствах» было больше

пользы государственной, действующей скорее подавляюще, а не вдохновляюще. В-третьих, относительно того, что братства не успели утвердиться в России, что им не хватило времени. Это тема известная, не буду повторять. Действительно не хватило времени Петру Аркадьевичу Столыпину на его реформы, не хватило времени для того, чтобы поместный собор собрать и начать решать проблемы, которые накопились в жизни церкви. Но есть и другая сторона. То, что братства *успели* сделать даже за тот короткий период, стало важнейшим залогом для жизни церкви уже в советские годы, для возникновения новых братств, иногда на костях и на крови тех, кто стали жертвами советской власти. История братств не пресеклась, и, возможно, это — самое ценное, что было в истории церкви в XIX в. Это потом в экстремальных условиях помогло церкви собраться, помогло сплотиться тем, кто не соблазнился и не пошел за темными двойниками. Именно благодаря этому опыту сегодня мы с вами имеем что-то важное, чем можем вдохновляться и действовать, и служить Богу. Поэтому, хоть тогда и не хватило времени, но все это было не зря и не напрасно.

Теперь относительно вопроса, прозвучавшего в самом начале, о том, почему каждое новое братство каждый раз все начинает как бы с нуля. Ведь есть довольно много исследований по истории братского движения в XIX в. Казалось бы, читай, используй как учебник, первое — это, второе — то... Но не получается. Мне кажется, дело не только в том, что XIX в. очень отличается от XXI в. и что мы с вами, к сожалению, отнюдь не люди XIX в., не затронутые еще антропологической катастрофой. Философы говорят, что нельзя дважды войти в одну реку; так же, думается, нельзя повторить духовный опыт, скопировать его. Каждый раз, когда пытаются скопировать опыт Н. Н. Неплюева или о. Александра Гумилевского, или еще кого-нибудь, я почти уверен, в лучшем случае получается пародия, может быть, неплохая, а в худшем — карикатура. Потому что в реальной общинно-братской жизни, когда собираются братья и сестры во Христе, Господь их в личностном благословении вдохновляет на действия здесь и сейчас. Каждый раз Господь творит новые формы, ждет новых действий, и иногда они бывают совершенно неожиданными.

В. Г. Трофименко. Был вопрос о том, какими могут быть источники по истории братств. Как правило, это периодика того времени, прежде всего, церковная. Это также традиционные документы

делопроизводства: уставы, журналы, отчеты братств, которые они публиковали. Это переписка братств с епархиальным начальством и с другими общественными учреждениями, с другими братствами и т. п. Проблема зачастую в нехватке источников личного происхождения, которые изначально не входили в состав архивных фондов, находились в личных коллекциях, в семьях. После 1917 г. они во многом были утрачены. Хотя какие-то из них, не исключено, оказались в фондах, которые не являются широкодоступными, т. е. региональных и центральных архивов МВД и ФСБ. Где-то там они, возможно, находятся, если, не дай Бог, не уничтожены, но доступ к ним значительно усложняется, особенно в последнее время. Именно от увеличения числа этих источников зависит глубина нашего познания практики братской жизни. При всем уважении к таким источникам, как официальные журналы заседаний советов братств или их отчеты, полагаю, что в них изложено, наверно, меньше десятой части той информации, которая может заинтересовать современных исследователей братской жизни. Нам интересно, как сами братчики воспринимали жизнь братства, как они относились к тому, что происходит вокруг них и внутри братства, насколько активно они поддерживали братство, только ли финансово или еще каким-то образом оказывали поддержку своему председателю и совету братства, который выступал, как правило, как исполнительный орган общего собрания, были ли они активны именно в качестве братчиков и т. д. Без документов личного происхождения, без мемуаристики, без личной переписки полноценную историю братств выстроить крайне сложно. Я думаю, основная задача исследователей братского движения на будущее — это поиск, публикация, изучение таких источников там, где это еще возможно. Потому что, кто их знает, где они? Они могли разойтись по частным коллекциям, могли остаться в семьях, могли быть уничтожены, могли быть конфискованы во время обысков соответствующими органами. Все что угодно могло произойти за такой промежуток времени. Остается только надеяться, что эти документы сохранились и в обозримом будущем будут доступны для исследователей.

Ю. В. Балакшина. У наших гостей из Твери есть доступ к источникам личного происхождения, которые хранятся в тверских архивах, они просто не смогли их пока расшифровать. Надо найти на это силы.

К. П. Обозный. Мне достался вопрос, на который я не могу ответить, потому что не являюсь историком братского движения. В самом деле, есть ли в истории прецеденты молодежных братств помимо РСХД? Я ничего такого не слышал, ничего не знаю именно о молодежных братствах.

Ю. В. Балакшина. В последнем выпуске альманаха СФИ был материал про Христианское содружество учащейся молодежи.

К. П. Обозный. Я бы не назвал это в полном смысле братством, хотя не сомневаюсь, что люди были замечательные и одаренные. Мы здесь опять упираемся в вопросы типологии: что их прежде всего объединяло? Совместное обучение?

А. А. Сафронова (Москва). Были сильные горизонтальные связи: они учились вместе, они собирались, чтобы вырабатывать целостное христианское мировоззрение.

К. П. Обозный. Вы уже отвечаете на мой вопрос. Конечно, здесь, как и с РСХД, не все так просто. Да и само РСХД в разные периоды было разным, и в разных регионах проявляло себя неодинаково. Одно дело, например, в Эстонии в межвоенный период. Там были какие-то культурные и национальные особенности, тоже стояла задача противостояния вызовам местного государства и местной культуры. Совсем другое дело РСХД в Париже, Праге или кружки ИМКА в Харбине. Это все разные явления, и каждый раз можно производить своего рода верификацию на «братскость». Но с другой стороны, конечно, это вдохновляло молодежь и это можно видеть. Есть, например, замечательные воспоминания Петра Евграфовича Ковалевского о своего рода братстве псаломщиков собора Александра Невского на Рю Дарю в Париже, из которого потом вышли замечательные богословы и священники русского зарубежья [*Пасхальный свет*, 252, 340, 499, 512]. Оно не было формальным и, в общем-то, было собрано вокруг вещей прикладных, почти технических — вокруг сослужения в алтаре. Однако же по духу это было именно братство. Кроме этого, у них были еще и встречи, связанные с духовным образованием, с обсуждением церковных вопросов, были и личные связи. Или, например, кружки, которые появлялись во время войны на оккупированной территории: бывшие члены РСХД — о. Алексей Ионов, о. Георгий Бенингсен — создавали эти кружки в городах Псков

и Остров¹². Молодежь собиралась, читала русскую литературу, изучала русскую историю, читала евангелие, Достоевского, Пушкина. И хорошо видно, что импульсы, идущие от РСХД, продолжают приносить свои плоды и в хорошем смысле «заряжают» молодежь, даже советскую, которая была воспитана совершенно на других идеалах и ценностях. В этом смысле можно говорить, что энергия РСХД действовала и проявляла себя в самых неожиданных местах.

Ю. В. Балакшина. Последний вопрос, на который я попрошу дать краткий и емкий ответ всех участников круглого стола. Когда мы готовили эту конференцию, мы столкнулись с тем, что многие из тех, кто некогда изучал историю братств, перестали заниматься этой темой. Кто-то, слава Богу, возвращается, но остается ощущение, что эта проблематика не находится на пике исследовательского интереса. Каковы, с вашей точки зрения, самые насущные вопросы в исследовании истории православных братств? Василий Георгиевич отчасти уже начал эту тему, указав на первоочередную необходимость введения в оборот источников личного происхождения. Каковы сейчас самые актуальные практические и теоретические развороты темы: «Изучение истории православных братств»?

И. А. Гордеева. Я, собственно, не занимаюсь историей православных братств, но для меня это один из сюжетов в общей истории различных форм человеческой солидарности. Различные движения солидарности, взаимной поддержки, социалистические движения, которыми пренебрегала историография, начиная с конца 1980-х годов. В результате образовалось огромное белое пятно. Реагируя на советскую псевдоизученность различных коллективистских движений, все побежали изучать либерализм, всякие другие *-измы*: консерватизм, реформизм и т. д. А история солидарности, братства, других подобных движений стала ассоциироваться только с советским казарменным коммунизмом и выпала из поля научного исследования. Я здесь сейчас с вами разговариваю, в то время как последние годы чаще всего на подобные беседы меня вызывали современные социалисты-анархисты: очень молодые, мирные,

12. См.: Полчанинов Р. В. Псковское содружество молодежи при Псковской Миссии // Православная Жизнь : [Приложение к журналу «Православная Русь»]. 2001. № 1 (612). С. 20; Ионов Алексей,

прот. Записки миссионера // По стопам Христа : [Ежемесячный духовно-просветительский листок]. 1955. № 52. С. 13.

этически озабоченные, вегетарианцы и т. п. Я в который раз сталкиваюсь с ситуацией, когда наука не успевает за потребностями общества. А в отношении братств импульс есть, он сформировался, существует реальный большой запрос, уже все обсуждается, а историки отстают даже не на шаг и не на два, а на много-много шагов. Для меня эта конференция — очень вдохновляющее событие. Давно забытые темы актуализировались, надо быстрее ко всему этому возвращаться, дописывать, встречаться с людьми, обсуждать и т. д. Спасибо большое за эту конференцию.

Ю. В. Балакшина. Спасибо за движение солидарности, за его изучение. Действительно, очень вдохновляющая и важная тема. Отец Георгий, а как бы Вы определили перспективные направления изучения истории братств?

Свящ. Георгий Кочетков. Как-то не приходилось об этом думать прежде, но, если исходить из нашего обсуждения, да и из нашего собственного опыта — а опыт Преображенского братства это уже почти 30 лет, — я бы сказал, что все-таки самое актуальное сейчас, это то, что мы называли реабилитацией самого слова «братство». Конечно, не только слова, которому надо было дать четкое определение, но и самого понятия братства, братского духа. Надо, чтобы люди вспомнили свой общинный и братский опыт — в церкви, в обществе, в народе, в культуре. Наука здесь очень сильно может помочь. Мы должны лучше понимать, на какой почве мы растем, живем, движемся, существуем. Наша современность очень связана с этими вопросами, а будущее наше, наверное, еще в большей степени. Правильно говорится, если не будет у нас общинных и братских начал, не будет и будущего — ни у страны, ни у народа, нигде и никакого. Я вынужден согласиться с такими суждениями, которые внешне выглядят очень крайними. На самом деле не так-то много у нас альтернатив и в церкви, и в обществе. Церковь действительно должна вспомнить о соборности, прежде всего местной, а значит о своих общинно-братских началах и своей общинно-братской сути. Общество должно вспомнить о солидарности — той самой, о которой мы сейчас слышали. Несколько лет назад у нас прошла конференция об общественной солидарности и церковной соборности. Слава Богу, материалы в полном объеме нами опубликованы¹³. Не знаю, насколько они прочно

13. См.: [Конференция].

вошли в научный оборот, но соборность и солидарность — это сейчас важнейшие измерения нашей жизни. Меня очень вдохновляет заинтересованность Ирины Александровны в этой тематике, по-моему, это очень здорово. Но это еще просто жизненно необходимо для всех. Поэтому нужно просто-напросто показать реальность — на примере, если угодно, очерков истории церкви, истории монашеского движения, западного и восточного. Вспомним Пушкина! Он Хомякову замечательно ответил относительно количества любви на Западе и на Востоке. Он сказал ему: «Не мерил я количества любви, но знаю, что на Западе были братские общины, которые были бы нам полезны»¹⁴. Это, мне кажется, сейчас больше всего нужно. Надо об этом говорить с самых разных сторон, об этом писать, исследовать и двигаться в практическом применении этих вещей в своей жизни, заражая этим великим Духом от Бога наших современников!

Ю. В. Балакшина. Теперь слово Константину Петровичу Обозному, возглавляющему кафедру, на которой были написаны эти замечательные работы о братствах, представленные сегодня на стендовых докладах.

К. П. Обозный. Мой хороший старший друг, покойный ныне прот. Георгий Тайлов, один из последних членов псковской миссии, когда его хвалили за то, что он был миссионером и восстановил храм в городе Огре, скромно улыбался и говорил: «Ну что я! Я только муха, которая сидела на рогах у вола, который пахал в поле...». В сегодняшних стендовых докладах моей заслуги немного, это студенты молодцы. Теперь относительно темы, которая может быть перспективной. Мне кажется, очень важна тема отношения церковного начальства — именно в синодальный период — к проблеме братств, особенно тех, которые рождались на приходах, и братств неформальных. Каким образом эта ситуация в тех или иных случаях разрешалась? Видимо, нельзя утверждать однозначно, что все было негативно, что у архиереев были одни задачи, у приходского духовенства — вторые, а у крестьян, которые входили в приход — третьи. Надеюсь, здесь могут быть неожиданные открытия. Может быть, интересно было бы

14. «Однажды в разговоре, на утверждение Хомякова, будто в России больше христианской любви, чем на Западе... Пушкин ответил: "Может быть. Я не мерил количество братской любви ни в России,

ни на Западе, но знаю, что там явились основатели братских общин, которых у нас нет, а они были бы нам полезны..."» [Смирнова-Россет, 180].

посмотреть на то, каким образом запрос государства (и, значит, чиновников духовного ведомства) соотносился с теми ростками живой приходской общинной жизни, которые тогда возникали.

Ю. В. Балакшина. Наш круглый стол подходит к концу. Мы сердечно благодарим всех его участников. Каждая конференция, особенно посвященная теме братства, вольно или невольно обретает в самой себе братское начало. В течение этих полутора дней возникли некоторые горизонтальные связи, и мы надеемся, что они не прервутся. Все это время среди участников витает идея необходимости печатного издания, которое обобщило бы собранный разными исследователями материал. Возможно, не настало еще время для того, чтобы какой-то один мыслитель написал всю историю православных братств второй половины XIX в., но, может быть, пришло время какой-то энциклопедии или коллективной монографии, в которой можно свести воедино разрозненные исследования. Мы надеемся, что все участники конференции не откажутся внести в такое издание свою лепту.

Литература

1. *Конференция = Христианская соборность и общественная солидарность* : Материалы международной научно-богословской конференции : Москва, 16–18 августа 2007 г. М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2012. 376 с., илл.
2. *Марцинковский = Марцинковский В. Ф. Записки верующего.* Новосибирск : Посох, 1994. 271 с. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9323> (дата обращения: 15.02.2017).
3. *Пасхальный свет = Пасхальный свет на улице Дарю* : Дневники Петра Евграфовича Ковалевского, 1937–1948. Н. Новгород : Христианская библиотека, 2014. 702 с.
4. *Понятов = Понятов А. Н. Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX в.* : Дис. ... к. и. н.: 07.00.02. Казань : Ин-т Татарской энц. АНРТ, 2007. 286 с.
5. *Смирнова-Россет = Смирнова-Россет А. О. Записки.* М. : Захаров, 2003. 528 с.
6. *Теннис = Теннис Ф. Общность и общество* / Пер. с нем. А. Н. Малинкина // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 206–229.
7. *Тихон (Беллавин) = Тихон (Беллавин), еп. Слово православия в Америке* : Проповеди и поучения святителя Тихона, патриарха Московского

и всея Руси, просветителя Северной Америки / Авт.-сост. свящ. Сергей Широков. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2001. 224 с.

8. *Трофименко* = Трофименко В. Г. Малые православные братства в Архангельской губернии в конце 1890-х — середине 1910-х годов как пример социального служения церкви // Свет Христов просвещает всех : Альманах СФИ. 2017. № 21. С. 76–84.
9. *Феофил (Волик)* = Феофил (Волик), иерод. Дело о контрреволюционной деятельности «Союза духовенства и мирян» и явление Божией Матери в Архангельске // Новомученики и исповедники земли Архангельской : Секция 5 : Сборник докладов // VII Иоанновские образовательные чтения, 2–4 ноября 2005 г., Архангельск. Архангельск : Правосл. изд. центр, 2006. С. 52–61.

Major Objectives and Priorities for the Study of Orthodox Brotherhoods

Roundtable at the Conference “Orthodox Brotherhoods in Pre-Revolutionary Russia: Priorities in their Activities”

The roundtable participants at the conference “Orthodox Brotherhoods in Pre-Revolutionary Russia: Priorities in their Activities” discussed the issues of the typology, boundaries, ecclesiological grounds, and criteria for defining Orthodox brotherhoods. The debate focused on the historical, geographical, social and cultural conditions for the arising of brotherhoods. In particular, the participants addressed the question of why in some regions the brotherhoods were more active than in others. Another discussion point was the role the brotherhoods played in forming the Russian society. The relevant areas of research and the introduction of some new sources on the history of brotherhoods into academic discourse were also discussed.

KEYWORDS: Orthodox brotherhoods, typology of brotherhoods, sobornost, communitarianism, community, ego-documents, “The Regulation on Orthodox Brotherhoods”, church-state project.